

Татьяна Мажорина

г. Волгодонск

Путь к свету

Посвящается 750-летию со дня рождения Данте Алигьери.

Закончился 2015 год, обозначенный президентом России Годом литературы. Он был знаменателен многочисленными юбилеями великих писателей-классиков, как отечественных, так и зарубежных, но я хочу подробнее остановиться на творчестве непревзойдённого, на мой взгляд, итальянского поэта, учёного, политика, мыслителя – Данте Алигьери. Минуло 750 лет со дня его рождения. В России к нему

обращались Пушкин, Гоголь. Не обошли вниманием его творчество и поэты Серебряного века, а именно Блок, Брюсов. «В творчестве Ахматовой образ Данте занимал значительное место. В стихотворении “Муза”, упоминается Данте и первая часть “Божественной комедии” (“Ад”). В 1936 году Ахматова написала стихотворение “Данте”, где появляется образ Данте-изгнанника. В 1965 году на торжественном заседании, посвящённом 700-летию со дня рождения Данте Алигьери, Анна Ахматова прочла “Слово о Данте”, где помимо собственного восприятия Алигьери, приводит упоминание о Данте в поэзии Н. Гумилёва и трактат О. Мандельштама “Разговор о Данте”» (Википедия, «Данте в искусстве»).

Полагаю, во все времена «Божественная комедия» Данте будет волновать вдумчивого читателя. Основательно в русскую культуру она вошла благодаря замечательному переводу М. Лозинского. Работая над переводом более десяти лет, он завершал её в осаждённом Ленинграде, в тяжелейших условиях блокады. В разгар войны было издано «Чистилище», в год победы – «Рай». Просто случайность? Не думаю. Это ли не повод перечитать творения автора, дерзнувшего сойти к средоточию зла, чтобы найти путь к свету?

Не могу сказать, что читается легко, но долгое время не отпускает. Лично я покорена тем, какой многовековой исторический пласт культуры автор смог осилить, переработать и донести до читателя. Получился некий мифический сказ, выполненный безукоризненно. «Клавишная прогулка по всему коридору античности. Какой-то шопеновский полонез, где рядом выступают вооруженный Цезарь с кровавыми глазами грифа и Демокрит, разъявший материю на атомы», – так сказал о поэме О. Мандельштам, к трактату которого я в очерке ещё не раз обращаюсь.

Поэма изобилует примечаниями, что позволяет читателю глубже вникнуть в суть происходящего, что-то освежить в памяти, а с чем-то познакомиться впервые, обратиться к первоисточнику. Поражает чёткое,

можно даже сказать, филигранное композиционное построение поэмы. Триединство – высший догмат христианства – таков её принцип. Вся поэма написана трёхстопными строфами (терцинами), состоит из трёх частей. Каждая часть – из тридцати трёх песен (годы земной жизни Иисуса Христа), которые в совокупности со вступительной песнью, дают цифру 100 (символ совершенства). Каждая часть делится на девять отделов плюс дополнительный десятый и заканчивается словом «светила». Символика «идеальных чисел» – «три», «девять» и «десять» знакома нам по его юношескому роману «Новая жизнь».

Данте Алигьери родился во Флоренции во второй половине мая 1265 года. Род Алигьери принадлежал к партии гвельфов и выступал за слияние духовной и светской власти в руках Римского первосвященника, то есть Папы. Противоборствующая сторона (партия гиббелинов) держала сторону императора Священной Римской империи, издавна выбираемого из числа германских королей.

Являясь активным общественным деятелем, к 1300 году Данте получил должность одного из семи приоров республики. Приоры, как могли, старались удерживать порядок, даже издали указ, приговаривающий к изгнанию зачинщиков и вожаков из обеих группировок. Однако внепартийность городских властей скоро закончилась, а вместе с ней закончилась и светлая полоса в жизни Данте.

Начало литературной деятельности связано с новым направлением в истории итальянской поэзии, названным Данте школой «сладостного нового стиля», в которой преобладали гармония и благородство стиля, изысканность смысла. Любовь подвергалась высокой идеализации, как возвышенное, облагораживающее чувство. Женщина, «мадонна» отождествлялась с небесным ангелом: кротким, скромным, добродетельным. По словам М. Андреева, юношеский роман «Новая жизнь» – «книга памяти, книга сердца, книга чувств и страстей», в которую помещены ранние стихи авто-

ра и биографические комментарии к ним. Предмет его обожания – Беатриче Портинари – детская любовь, которую он воспевал до конца своих дней. Девушке не суждено было стать его избранницей, и к тому же её жизнь оборвалась в возрасте двадцати пяти лет. Но я хочу акцентировать внимание читателя на «Божественной комедии», которую смело можно назвать вершиной поэтического мастерства. В девяностые годы его потянуло к философии. По словам опять же М. Андреева, «десятилетие, прошедшее после “Новой жизни”, – настоящий подвиг самообразования». С чем невозможно не согласиться.

Сюжет поэмы построен на аллегории, широко используемой в сказках, мифах. Данте не единственный из средневековых поэтов, обратившийся к загробным толкованиям жизни после физической смерти, но то, в какую форму он облёк своё творение, заслуживает восхищения! В поэме чётко прослеживаются две линии любви, выполненные невероятно одарённым мастером слова: возвышенной и светлой – к женщине, а также пронзительной, сыновней – к не менее дорогой его сердцу Флоренции. Сказались годы, что он провёл в изгнании. Будучи дважды приговорённым к смертной казни, поэт запутался, разочаровался во многом:

*Земную жизнь дойдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.*

«Тот дикий лес, дремучий и грозный» предстал как символ жизненных неурядиц и осложнений, в которых оказался тридцатипятилетний Алигьери. Восхождению поэта на холм спасения препятствуют три зверя: рысь, символизирующая сладострастие (кроме того, пятна на шкуре означают раздробленность, то есть борьбу гиббелинов и гвельфов), лев – гордость, а также грубую физическую силу (намёк на Францию), и волчица – корыстолюбие (алчная и похотливая – Папа Бонифаций VIII, с которым Данте ассоциирует все свои беды). По большому счёту эти звери угрожают

национальному единству Италии, феодальной монархии, о которой мечтал автор. Заблудившегося и отчаявшегося поэта спасает древнеримский мудрец, поэт, автор «Энеиды» Вергилий, олицетворяющий разум, посланный Беатриче. Данте, доверяя ему всем сердцем, соглашается на путешествие в загробный мир:

*Яви мне путь, о коем ты поведал,
Дай врат Петровых мне увидеть свет
И тех, кто душу вечной муке предал.*

Подкупает открытость автора, его предельная искренность. Он не боится показать читателю свою неуверенность, внутреннее беспокойство, неосведомлённость, иной раз – неумение себя вести, что и создаёт особую притягательность, некую химию, если можно так выразиться. Приведу его слова, сказанные в начале второй песни (в преддверии Ада), а далее это проявляется не единожды:

*Я начал так: «Поэт, вожатый мой,
Достаточно ли мощный я свершитель,
Чтобы меня на подвиг звать такой?»*

Ад, по описанию Данте, представляет собой подземную пропасть в виде огромной воронки с концентрическими уступами (кругами Ада), которая, сужаясь, достигает центра земного шара. По христианской мифологии, Ад сотворён триединым божеством: отцом (высшей силой), сыном (полнотой всезнанья) и святым духом (первой любовью), чтобы служить местом казни для павшего Люцифера. Данте, войдя в преддверие Ада, услышал невероятные вопли, увидел души нагих людей, «кусаемых слепнями и осаами, роившимися тут»:

*Кровь, между слёз, с их лиц текла струями,
И мерзостные скотища червей
Её глотали тут же под ногами.*

Вергилий дал понять, что это нерешительные, самые ничтожные по сути люди: «Они не стоят слов: взгляни – и мимо!»

Вступая в первый круг Ада, так называемый лимб, Данте видит выдающихся пред-

ставителей античной культуры – Гомера, Горация, Овидия, Лукана... Здесь пребывают души добродетельных язычников, не познавших истинного Бога, однако приблизившихся к этому познанию и за то избавленных от адских мук.

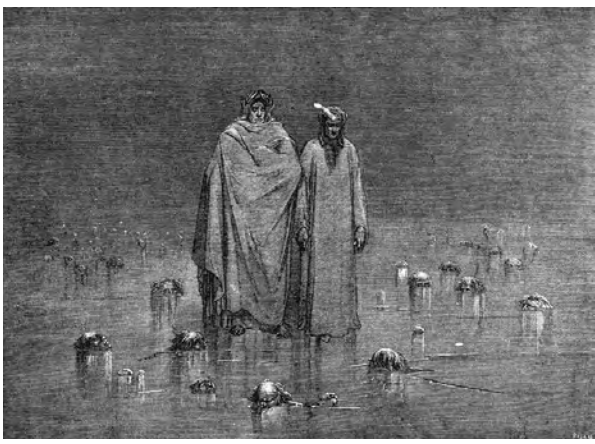
Спускаясь всё ниже и ниже за Вергилием, Данте становится свидетелем жутких мучений лиц, предавшихся влечению плоти, «гонимых вьюгой необорной»; чревоугодников, истлевающих под дождём; скупцов и расточителей, которые «водили хоровод, толкая грудью грузы с воплем вечным»; гневливых, напрочь втиснутых в Стигийское болото; еретиков, объятых вечным пламенем. Ещё более ужасными спутники видят мучения насильников, обманщиков всякого рода:

*Вдоль берега, над алым кипятком,
Вожатый нас повёл без прекословий.
Был страшен крик варившихся живём.*

*Я видел погружившихся по брови.
Кентавр сказал: «Здесь не один тиран,
Который жаждал золота и крови...»*

И, наконец, девятый, последний круг Ада – ледяное озеро Коцит, в котором караются обманувшие доверившихся, то есть предатели. Это последний круг ада, разделённый на четыре концентрических пояса. Первый пояс – пояс Каина, где казнятся предатели родных, они по шею вмёрзли в лёд, и лица их обращены книзу. Во втором поясе – Атенора – казнятся предатели родины и единомышленников, и в третьем – Толомея – предатели друзей и сотрапезников. И последний четвёртый пояс – центральный диск девятого круга – Джудекка, названный так по имени апостола Иуды, который предал Христа. Здесь казнятся предатели своих благодетелей, вмёрзшие в недра ледяного слоя:

*Мы были там, – мне страшно этих строк, –
Где тени в недрах ледяного слоя
Сквозят глубоко, как в стекле сучок.
Одни лежат; другие вмёрзли стоя,
Кто вверх, кто книзу головой застыв,
А кто – дугой, лицо ступнями кроя.*

«Ледяное озеро Коцит», Поль Гюстав Доре

Заканчивается Ад описанием страшных мук Люцифера – некогда прекраснейшего из ангелов, но свергнутого вместе с ними с небес в недра Земли за то, что поднял мятеж против Бога. Превратившись в чудовищного трёхглавого Дьявола – «мучительной державы властелин грудь изо льда вздымал наполовину». В каждой из трёх его пастей корчатся от боли величайшие изменники: Иуда Искариот, Брут и Кассий.

В конце концов, поэты покидают обитель зла, ступая «путём незримым» до тех пор, «пока очей не озарила краса небес в зияющий просвет». Далее начинается Чистилище, по описанию Данте – гора, расположенная на острове в южном полушарии, возвышающаяся в виде усечённого конуса, посреди Океана. Её устройство аналогично Аду, то есть гора опоясана семью уступами (кругами), сужающимися кверху. На плоской вершине горы Данте помещает пустынный лес Земного Рая. Береговая полоса и подножье горы, так называемое Предчистилище, к которому и вышли поэты:

*Для лучших вод подъемля парус ныне,
Мой гений вновь стремится свою ладью,
Блуждавиую в столь яростной пучине,*

*И я второе царство воспою,
Где души обретают очищенье
И к вечному восходят бытию.*

Прежде чем впустить Данте в первый круг, ангел, охраняющий вход, начертил у

него на лбу семь «Р», означающих символ семи смертных грехов: гордыню, зависть, гнев, уныние, скупость, чревоугодие и сладожадность. Гордость была главным грехом Данте, а посему, когда стёрлось первое «Р» – корень всех грехов, остальные знаки несколько потускнели. В этом я опять усматриваю предельную откровенность по отношению к читателю. Много ли нам известно писателей, способных обнаружить свои недостатки?.. По мере восхождения к вершине горы, преодолевая очередные круги, знаки «Р» с его лба совсем исчезли. В таком виде, очищенный от грехов Данте, вступает в «Господень лес, тенистый и живой». В Земном Раю Вергилия сменяет Беатриче, побуждает его к покаянию и возносит его, просветлённого, на небо. Заключительная часть поэмы посвящена странствиям поэта по Небесному Раю:

*Я видел – солнцем загорелись дали
Так мощно, что ни ливень, ни поток
Таких озёр вовек не расстилали.*

Не могу не привести слова Осипа Мандельштама о том, «что метафорические приёмы Данте превосходят наши понятия о композиции, поскольку наше искусствоведенье, рабствующее перед синтаксическим мышлением, бессильно перед ним». Небесный Рай у Данте состоит из семи сфер, опоясывающих Землю, и соответствует, согласно Птолемеевой системе, семи планетам. Это сферы Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера и Сатурна. Далее следует восьмое звёздное небо, где Данте узрел Христа:

*Так, видел я над тысячей огней
Одно царило Солнце, в них сияя,
Как наше – в горних светочей ночей,*

*В живом свеченье Сущность световая,
Сквозя, струила огнезарный дождь
Таких лучей, что я не снёс, взирая.*

Далее следует девятое кристальное небо, или Перводвигатель, за которым находится Эмпирей – бесконечная область, населённая

блаженными, созерцающими Бога – последняя сфера, дающая жизнь всему сущему:

*И свет предстал мне в образе потока,
Струистый блеск, волшебною весной
Вдоль берегов расцветенный широко.*

*Живые искры, взвившись над рекой,
Садилась на цветы, кругом порхая,
Как яхонты в оправе золотой...*

«Эмпирей. Райская роза», Поль Гюстав Доре

Последним наставником поэта, с которым он заканчивает своё путешествие в Эмпирее (песнь 31), был старец Бернард Клервоский – богослов-мистик, принимавший в своё время активное участие в политической жизни страны. Данте видит импе-

Использованные материалы:

Данте Алигьери «Новая жизнь», «Божественная комедия»: Москва, Издательство «Художественная литература», 1967 г.

Предисловие М. Андреева «Данте и его творчество»: Москва, Издательство «Художественная литература», 1986 г.

Божественная комедия: Википедия.

Осип Мандельштам, том 2, ч. 2 «Разговор о Данте»: Москва, Издательство «Художественная литература», 1990 г.

ратора Юстиниана, который знакомит его с историей Римской империи, учителей веры, мучеников за веру, чьи сияющие души образуют сверкающий крест. Возносясь всё выше и выше, Данте видит Христа и деву Марию, ангелов и приобщается к небесной благодати:

*Так белой розой, чей венец раскрылся,
Являлась мне святая рать высот,
С которой агнец кровью обручился.*

В заключительной песне автор, прошедший все мыслимые и немыслимые испытания, просит Всевышнего дать возможность сохранить и донести до людей хоть малую крупицу увиденного им:

*О Вышний Свет, над мыслью земною
Столь вознесённый, памяти моей
Верни хоть малость виденного мною*

*И даруй мне такую мощь речей,
Чтобы хоть искру славы заповедной
Я сохранил для будущих людей!*

Минуло более семисот лет после написания автором «Божественной комедии», но его труд по-прежнему волнует читателей, а значит, замысел его удался. Закончить свои рассуждения о творчестве Данте позволю цитатой, опять же из трактата О. Мандельштама: «Алигьери построил в словесном пространстве бесконечно могучий орган и уже наслаждался всеми его мыслимыми регистрами и раздувал меха и ревел и ворковал во все трубы». А я, как читатель, не перестаю прислушиваться к звучанию этого органа, ощущая всё новые и новые нотки и восхищаясь мастерством автора.